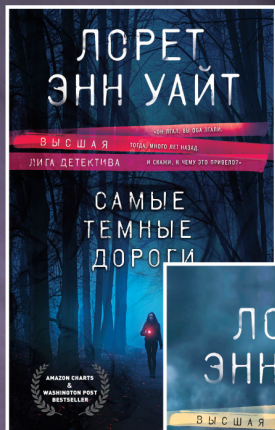

ОПАСНАЯ ИГРА

КОМПЛЕКТ ИЗ 3 КНИГ

Лорет Энн Уайт
Опасная игра. Комплект
из 3 книг Лорет Энн Уайт
Серия «Высшая лига детектива.
Романы Лорет Энн Уайт»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73290033

ISBN 978-5-04-235479-3

Аннотация

Комплект из 3 книг – платите меньше, читайте больше!

С состав входят: Самые темные дороги, Источник лжи, Тайна пациента.

Комплектом выгоднее, чем покупать книги по отдельности

Самые темные дороги

Ребекка Норд не первый год занимается расследованием убийств, и мало что может выбить ее из колеи. Но последнее дело... Ее собственный отец погиб при очень странных обстоятельствах. Все это выглядит как самоубийство, но на деле оказывается жуткой, изощренной инсценировкой.

Чтобы собрать улики, Ребекка отправляются в глухой городок за тысячи километров от столицы. Там ее ждут снежные пещеры,

неожиданная встреча с давним возлюбленным и связанные с ним кровавые, запутанные детали их общего прошлого.

Источник лжи

Встреча с Мартином – лучшее, что случилось с Элли. Он помог ей забыть о кошмарном прошлом – во всяком случае так ей поначалу казалось. Но за закрытыми дверями их чудесного нового дома вскоре происходят страшные вещи, венцом которых становится... убийство.

Отныне Элли втянута в жестокую психологическую игру. Она – жертва, но никто этого не видит. Никто, кроме констебля Лоццы Бьянки, знающей кое-что о манипуляциях и неизменно доверяющей своей интуиции.

Тайна пациента

Лили – уважаемый психотерапевт, жена и мать. Ее жизнь кажется образцовой. Но она как никто другой знает – у каждого есть неприглядные секреты. Стоит лишь послушать ее пациентов...

Когда в город приезжает раскованная Арвен и ее шестнадцатилетний сын, секреты местных жителей в одночасье оказываются под угрозой. Потому что Арвен знает своих новых соседей гораздо лучше, чем они предполагают.

И тут случается убийство. Все к этому шло.

Подозреваемых несколько, а Лили – в эпицентре событий. Она знает много, слишком много. И скрывает не меньше.

Содержание

Самые темные дороги	5
После убийственного мороза	6
Глава 1	12
Глава 2	19
Глава 3	31
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Лорет Энн Уайт

Опасная игра. Комплект из 3 книг Лорет Энн Уайт

Самые темные дороги

*Джилл и Рэю, которые хранят мечту об озере
Биг-Бар*

Loreth Anne White
THE DARK BONES

Copyright © 2019 by Cheakamus House Publishing

This edition is made possible under a license arrangement
originating with Amazon Publishing, www.apub.com, in
collaboration with Synopsis Literary Agency.

© Савельев К., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке. ООО «Издательство «Экс-
мо», 2020

* * *

После убийственного мороза

Карибу-Кантри, 27 сентября, воскресенье. Немногим более двадцати лет назад

Уитни бежит, хотя в груди полыхает огонь. У нее пересохло в горле. Стебли полыни, сосновые иголки и острые камешки впиваются в босые ступни. Кровь стекает по внутренней стороне ее бедер, оставляя липкие следы в сухой траве за ее спиной.

Уитни опускается на четвереньки. Тяжело дыша, она внимательно прислушивается к звукам осеннего леса.

Трава колет ее голые ягодицы. Рваная ткань платья прирастает к коже. Левую грудь пересекает рваный порез, а вокруг соска остались следы от укуса. Ее длинные волосы – такого же желто-золотистого оттенка, как и трава, где она прячется, – слиплись от пота и грязи.

Уитни слышит тихий рокот двигателя, который доносится с лесовозной дороги на дальнем краю озера. В воздухе сгущается гнетущая, потрескивающая энергия: приближается гроза. Деревья в лесу громко перешептываются и раскачиваются под порывами ветра.

Но она не слышит *их*.

Высоко в небе раздается протяжный крик пустельги, и Уитни резко вскидывает голову. Она достигла лесной опушки и не знает, что делать дальше. За этой безопасной гра-

ницей начинается открытое поле. Оно заросло отцветшим иван-чаем, и клочки белого пуха носятся над лугом, словно летний снег, пока вдалеке рокочет гром, а грозовые облака наползают все ближе. Лес погружается в тень.

Уитни знает эту местность. За плотной рощей деревьев на противоположной стороне луга находятся обветшавшие постройки заброшенного летнего лагеря. Это часть ранчо Хогена, и она может спрятаться там.

Но ужас держит ее в крепких тисках. *Они* могут вести наблюдение. Могут ждать, пока она не выбежит на открытое место, словно раненый олень. Время растягивается до предела. Облака клубятся все гуще и закрывают потускневший солнечный диск. Луг тоже погружается в полутьму.

Она оторвалась от них? Возможно ли это?

Теперь гром грохочет совсем близко. Звук с силой ударяет по барабанным перепонкам. Страх подталкивает Уитни к действию. Она приподнимается и ныряет в заросли иван-чая. Не разбирая пути, она ломится через гущу стеблей и сухих соцветий, но ее взгляд решительно устремлен на проем между деревьями на другой стороне поля. Ее белые ягодицы мелькают в траве, как круп убегающего белохвостого оленя, идеальная мишень для охотника.

Она слышит гиканье у себя за спиной.

В противоположном направлении с ревом пробуждается к жизни двигатель мотовездехода. Она окружена, путь к бегству отрезан.

По лицу Уитни струятся слезы, но она не останавливается. Она пробивается через спутанные стебли, направляясь к просвету между деревьями и к возможному спасению.

Рывкает выстрел. Птицы стайками взмывают из-под лесного полога. Пуля с горячим шелестом проходит рядом, мимо ее щеки. Уитни кричит и отклоняется в сторону. Снова гремит гром; небо становится черным. Крупные капли дождя начинают бомбардировку.

Еще один хлопок выстрела.

Уитни ощущает удар в плечо. Сила удара вместе с полученным шоком заставляет ее развернуться боком, и она падает в заросли иван-чая. Какое-то время она лежит на спине, оглушенная, скрытая густой растительностью. Горячая сырость сочится под плечом. Все кончено. Уитни больше не может дышать. Дождь хлещет в ее запрокинутое лицо. Словно в абсурдном видении, она сознает, что небо окрасилось в зловещий багровый свет.

Уитни думает о своей матери. Ее маме нравятся грозы. Потом она думает о своих ошибках... о Треворе и Эше. Все пошло не так, как было задумано. Уитни начинает уплывать на волнах неопишуемой боли, но пронзительный свист приводит ее в чувство. Ее глаза распахиваются, сердце отбивает дикую чечетку в груди. Она не может умереть, не может. Она не умрет.

Уитни старается перекатиться на бок, но не может, потому что левая рука не слушается ее. Она хватается за стебли

иван-чая здоровой рукой и кое-как приводит себя в сидячее положение. С неба льет напропалую; дождь хлещет ей в спину, смахивает мокрые волосы на лицо. Ветер кружит над полем и сотрясает кроны деревьев в лесу. В уме невольно возникают строки из песни, которую она слышала в автомобиле Эша.

Все, что я хочу, – это пожить в Эл-Эй.
Прежде чем умру, хочу кутить в Эл-Эй.
Веселье всю ночь, пока она не сгинет прочь
И солнце не взойдет над Эл-Эй...

Уитни была так близка к этому.

Очень близка.

Воплотить свою мечту. Увидеть Лос-Анджелес. Она почти вырвалась отсюда. Казалось, все будет хорошо и даже весело. Теперь она хочет только остаться в живых. Отправиться домой, к маме. Туда, в знакомые объятия трейлерного парка.

Еще один треск ружейного выстрела. Все движется, как в замедленной съемке, когда шрапнель разлетается от ствола рядом с ее лицом. Мелкие щепки вонзаются в щеку и ослепляют правый глаз. Хныкая и причитая, Уитни уползает в заросли на другой стороне луга. Тут темно, очень темно. Наверное, безопасно. Ее левый глаз приспособливается к полумраку. Лесное ложе покрыто папоротником и кустиками голубики. Уитни находит знакомую тропу и начинает брести

по ней.

Голоса! Уитни слышит голоса. Мужчины кричат, приближаются к ней. Рев вездехода становится громче.

Она видит старую хижину, покрытую сухим мхом и лишайником. Молодые ростки пробиваются между сгнившими половыми досками. В тенях этих развалин стоит олень. Уитни застывает на месте. Олень смотрит на нее большими, влажными глазами.

Но вездеход приближается, и олень бросается в сторону, с громким треском ломая кусты. Ее охватывает паника, и она оборачивается вокруг. Где спрятаться? Старые хижины они осмотрят в первую очередь. И почему ей пришло в голову, что там она может спастись?

Ее взгляд падает на кедровое бревно. Это старинное, давно упавшее дерево, покрытое мхом, оранжевым лишайником и папоротником. Сгнивший ствол мог бы послужить для медвежьей берлоги на зиму или стать убежищем для пумы, в надежном месте выращивающей своих котят. Уитни заползает внутрь, волоча за собой вялую окровавленную руку. В дереве пахнет так же, как в старом сундуке, где ее бабушка хранила меховое пальто. Знакомый запах. Надежный, как семья. Приветливый. Уитни заползает все глубже, пока не становится слишком узко. Тогда она сворачивается в клубок, глубоко в своей пещерке. Мягкий кедровый луб щекочет ей руки и ягодицы. Рев вездехода стихает где-то за бревном.

Она слышит очередной крик. Еще один выстрел. Она за-

жмуривается в ожидании, когда ее начнут вытаскивать за ноги. Но голоса отдаляются, как и топот ног в лесу. Внезапно становится совсем тихо, если не считать звука капель, барабаниющих по бревну.

Они погнались за оленем, думает она. Дух оленя отвлек их и спас ее.

Ее тело охватывает безудержная дрожь. Уитни крепко прижимает ладонь ко рту, чтобы заглушить плач. Просто на тот случай, если один из *них* еще рядом и если это фокус, чтобы выманить ее.

Но она больше не слышит их.

Глава 1

Оттава, 6 января, примерно двадцать лет и три месяца спустя

Сержант Ребекка Норд шла по мраморному коридору здания Верховного суда вместе с юристом-консультантом; мерный стук каблуков звучал как подтверждение уверенности. Ее темно-синий, почти черный костюм был сшит по мерке, классический покрой шелковой блузки демонстрировал профессионализм и вместе с тем создавал легкий намек на женственность. Густые темные волосы были собраны в мягкий узел на затылке. Никаких ювелирных украшений, минимум макияжа. Такой внешний вид, одобренный стороной обвинения, был рассчитан на создание образа квалифицированного и достойного доверия детектива из отдела по борьбе с экономической преступностью федеральной полиции Канады – достаточно искушенного специалиста, который с удовольствием поможет разоблачить высокопоставленного преступника из мира «белых воротничков».

Этот суд привлек большое внимание. Средства массовой информации по обе стороны американо-канадской границы занимались его интенсивным освещением, а социальные сети пестрели множеством мнений и догадок. Перед зданием суда крепчал ветер, и быстро холодало, пока съемочные группы телевизионщиков и команды техподдержки затаи-

лись в машинах в предчувствии январской метели. Внутри репортеры с пропусками вереницей проходили в зал суда. Перерыв между заседаниями закончился; Ребекка должна была следующей давать показания. Хотя внешне она излучала спокойствие, внутри все бурлило от прилива адреналина. Сторона защиты собиралась устроить ей допрос по всей форме.

Женщина-юрист, шагавшая рядом с ней, прижимала к груди папку с бумагами.

– Помните, сержант: многие превосходные копы садились в лужу во время показаний перед судом из-за вещей, не имевших никакого отношения к их правдивости или уровню профессионализма, – бесстрастно сказала она, глядя прямо перед собой. – Их ловили на мелочах, которые...

– Вы уже рассказывали, – отозвалась Ребекка. – Я все поняла.

Они обогнули мраморную колонну, и Ребекка увидела толпу, собравшуюся перед залом суда. Когда они приблизились к дверям, зажужжал телефон, лежавший в кармане жакета. Ребекка заколебалась; возможно, это был очередной звонок от начальства.

– Я лучше отвечу, – поспешно сказала она.

– Вы следующая, – напомнила женщина из юридического отдела.

– Буду через полминуты.

Ребекка достала телефон и отступила в относительную ти-

шину стенной ниши. Когда она увидела, кто звонит, сердце упало. Опять отец. Ребекка сбросила четыре его предыдущих звонка на голосовую почту. Сейчас у нее не было времени на его параноидную теорию заговора и прочую чушь. Она была уже готова оборвать звонок, но дрогнула. Ее отец давно был нездоров. Он слишком много пил; так было всегда, но теперь проблема усугубилась. Он проводил зиму в одиночестве, в старом семейном домике в глуши. Ближайшим городом был Клинтон: сорок пять минут езды по грунтовым лесовозным дорогам, которые редко чистили от снега.

Сельское уединение, выпивка, подступающая старость... Все это туманило его мозг, вызывало сумятицу и депрессию. И для того чтобы коротать долгие вечера на ферме, он обкладывался старыми уголовными делами, с одержимым упорством снова и снова изучая те, которые ему так и не удалось решить, и придумывая безумные теории, о которых обычно забывал на следующее утро. Ребекка приняла вызов.

– Привет, папа. Слушай, можно я тебе перезвоню? Я собираюсь давать показания в суде.

За ее словами последовало непривычное, тяжелое молчание.

– Папа? Ты в порядке?

– Мне... нужно поговорить с тобой, Бекка. Тебе... тебе нужно кое-что узнать, чтобы ты могла правильно понять меня.

Его речь была сбивчивой и невнятной. Ребекка посмотре-

ла на часы. В часовом поясе ее отца едва наступил полдень, а он уже принял на грудь. К вечеру, когда она закончит с делами в суде, отец будет беспробудно пьян.

– Послушай, я тебе позвоню, когда...

– Нет, нет, Бекка, не по телефону, – прошептал отец. – Я стою в фойе отеля «Карибу» и говорю по общественному телефону перед «Лосем и Рогом». Люди могут услышать... – Наступила пауза; Ребекка слышала на заднем плане шум, доносившийся из паба. – Я... полагаю, он был в моем домике и забрал кое-какие бумаги из моего досье.

– Кто? Какое досье?

Тишина перед залом суда вдруг стала звенящей. Почти все вошли внутрь. У Ребекки сдавило грудную клетку от напряжения.

– Папа, – твердо сказала Ребекка. – Сейчас у меня нет времени на тайные заговоры. Я должна...

– Вчера вечером. Думаю, он прятался снаружи, за осинами. Следил за моим домом. Позавчера вечером кто-то следовал за мной в темноте до самого дома. Думаю, он знает то, что мне известно.

Ребекка заколебалась. Она слышала подобные вещи от своего отца, но он еще никогда не обращался к ней таким тоном. Она почти не сомневалась, что отец воображает разные вещи, но его страх был реальным. Ей пора подумать о профессиональной помощи для него. Уже пора. Она отправится домой и разберется с этим сразу же после окончания суда.

Но в то же время возвращение на ранчо даже на несколько дней было последним, что Ребекка хотела бы сделать. Всегда оставалась вероятность встречи с Эшем. Она старалась откладывать эту вероятность так долго, как только могла.

– Папа, – уже мягче сказала она. – Послушай, все будет хорошо. Я обещаю. Как только этот суд закончится, я на какое-то время вернусь, и...

– Я *знаю*, что он лгал, Бекка. Вы *оба* лгали. Тогда, много лет назад. Он изуродовал себе лицо не после падения с лошади, верно? От чего ты защищала его в тот день?

– О чем ты толкуешь?

– Сержант Норд... Ребекка! – Это был один из юристов, сердито сверкавший глазами. – Скорее, немедленно идите в зал суда! Ради всего святого, сержант, вы хотите, чтобы мы проиграли это дело?

Ребекка ущипнула себя за нос.

– Папа, мне нужно давать показания в суде. Я позвоню тебе завтра. – Он все равно будет слишком пьян для вечернего звонка. – Обещаю. Теперь найди номер в отеле и немного поспи. Делай что хочешь, только не садись за руль.

Ребекка прервала разговор и убрала телефон в карман, но, когда она шла за юристом, ее снедало беспокойство.

«Он лгал, Бекка. Вы оба лгали. Тогда, много лет назад. Он изуродовал себе лицо не после падения с лошади».

Когда она вошла в зал суда, то мысленно вернулась в тот воскресный день в конце сентября более двадцати лет назад.

То, что начиналось как обычный день золотой осени, когда ольха и березы переливаются желто-багряными красками, за считанные минуты превратилось в мощную грозу.

Ребекка ехала домой с работы – по выходным она работала в ветеринарном кабинете, – когда дождь пошел сплошной пеленой. Вцепившись в руль, Ребекка подалась вперед, напряженно вглядываясь в разбитую грунтовую дорогу через плавные дуги, оставляемые щетками на ветровом стекле. Внезапно перед ее автомобилем появился мужчина, медленно бредущий посреди дороги, босой, с безвольно опущенными руками. Его джинсы промокли насквозь, рубашка прилипла к телу.

Ребекка сбросила скорость и поехала за ним. Он как будто не осознавал ее присутствия и не пытался уступить дорогу, даже не обернулся.

Вдалеке грохотал гром. Деревья вдоль дороги клонились и раскачивались на ветру.

Она нажала на клаксон.

Никакой реакции.

Ребекка ударила по тормозам и остановила автомобиль. Какое-то время она сидела, а дождь барабанил по металлической крыше.

Какого черта?

Потом мужчина вдруг повернулся, и у Ребекки дрогнуло сердце.

Эш.

Его лицо... оно было глубоко разрезано с левой стороны. Его глаз был багровым, распухшим и почти закрылся. Кровь смешивалась с дождем на щеках Эша и окрасила в красно-коричневый цвет переднюю часть его футболки.

Ребекка распахнула дверь и побежала к нему.

– Эш! Что случилось? Что ты вообще здесь делаешь?

Но Эш только смотрел на нее пустыми глазами.

Ребекка заставила себя вернуться к настоящему. Но когда она занимала место на свидетельской скамье, по спине пробежал холодок. Ребекка едва замечала судебного клерка перед собой и даже не помнила, как оказалась здесь.

– Сержант Ребекка Норд, можете ли вы подтвердить перед судом, что ваши показания будут содержать правду, только правду и ничего, кроме правды?

«Он лгал. Вы оба лгали».

Глава 2

Карибу-Кантри, 8 января, вторник

Тори Бартон лежала на животе, бок о бок с Рикки Саймоном на заснеженной гряде посреди зарослей осины, давно сбросившей листву. Они наблюдали за ветхим деревянным домом внизу на поляне, ожидая, пока старик не посетит свою поленницу. Рикки сказал Тори, что старик каждый раз забирает дрова примерно в это время, а потом не выходит из дома до утра.

В нескольких метрах от его хижины, рядом с поленницей, находился старый сарай, который и был их целью. Сарай стоял перед еще одной плотной группой осин, отгораживавших участок от заснеженной подъездной дороги. В багряном сумраке раннего январского вечера сходная с бумагой осиновая кора испускала призрачное сияние. Белизна была подчеркнута черными отметинами, которые для Тори выглядели как глаза, подведенные сурьмой. Пока угасали сумерки, ею овладело тяжелое предчувствие наряду со жгучими уколами холода от ветра, задувавшего с арктических равнин. Заныло в ушах; следовало бы одеть вязаную шапочку, как советовала Оливия, ее биологическая мать. Оливия также рассказала Тори, что все осины взаимосвязаны и представляют собой один большой организм, созданный переплетением подземных корней. Если срубить дерево на этой гряде,

остальные узнают об этом.

Тори подумала, смогут ли они одновременно испытать боль от удара топора.

Тори гадала, сможет ли она когда-нибудь полюбить Оливию так же, как любила свою приемную маму. У нее были сомнения на этот счет. Она тосковала по Мелоди и Гейджу, своим приемным родителям, и эта тоска ощущалась как пустота в сердце. Теперь Рикки был ее единственным настоящим другом. Он был единственным учеником в ее новой школе, считавшим, что быть отпрыском серийного убийцы – это даже круто. Рикки был *тем самым* парнем: тем, кто заставлял хулиганов и грубых девчонок думать, что они тоже крутые, просто из-за дружбы с ним. Потому что сам Рикки был очень крут. Он делал такие вещи, на которые не осмеливался никто другой.

– Вот он, – прошептал Рикки и указал на окно в задней части дома.

Внутри, на желтоватом фоне неверного света лампы, угадывался сгорбленный силуэт пожилого человека, говорившего по телефону. У него был стационарный телефон, но не было электричества. Старик пользовался пропаном из большой цистерны у заднего окна хижины. У него был газовый обогреватель.

– Ты говорил, что каждый день в это время он забирает дрова, а потом не выходит до утра, – прошептала Тори. – Почему он не выходит?

– Он обязательно выйдет, когда поговорит по телефону или сделает что-то еще. Смотри, он вешает трубку!

И действительно, через две минуты дверь напротив навеса отворилась, и старик вышел на улицу в теплой куртке, вязаной шапке и перчатках. Согбенный от возраста, утопающий в громадной куртке, которая когда-то, должно быть, была ему впору, он побрел через хлюпающий талый снег к своей поленнице, накрытой брезентом. За собой старик тащил примитивные сани. В напряженной, взволнованной тишине Рикки и Тори смотрели, как он накидал кучу колотых дров на волокушу. Потом закрыл поленницу брезентом и потащился к дому по мокрому снегу, подтягивая сани за веревку.

– Он входит в дом, – сказал Рикки.

Тори ощутила внезапный укол паники. То, что они собирались сделать, вдруг показалось неправильным. Слова Рикки зазвучали в ее голове:

«Он едва ли поднимет бучу или хотя бы заметит пропажу. Когда он запрется в доме, мы проникнем под навес и заберем пару бутылок алкоголя. Вот и все. Потом бегом вернемся на гребень холма, сядем в снегоход рядом с осиновой рощей и дадим деру отсюда».

– Уже поздно, – сказала Тори. – Я... я обещала Оливии и Колу, что вернусь домой до темноты.

Рикки повернулся к ней и ухмыльнулся; его глаза были озерцами жидкой черноты на фоне смуглой кожи. Когда он так смотрел, у Тори возникало странное ощущение в живо-

те. Ему еще не исполнилось тринадцати, но он казался гораздо старше и был очень умелым. У Рикки Саймона было неоспоримое преимущество: рядом с ним Тори чувствовала себя живой. Он заставлял ее забывать о поганой неразберихе жизни; попросту говоря, благодаря ему ей хотелось вставать поутру. Рикки был единственным, кто делал ее новую жизнь на ранчо Броукен-Бар сколь-либо сносной. И вдруг все опять стало в полном порядке.

– Ты же не студишь теперь, правда, Тори Бартон?

– Конечно, нет. Только... нужно сделать это поскорее.

– Вот именно.

Они спустились к старому сараю. Снежная каша быстро застывала на морозе. Когда они подошли к сараю, Рикки выругался.

– Он запер чертов сарай! Раньше он никогда этого не делал.

Ну, конечно: новый латунный замок был продет в петлю металлической створки поперек двери.

– Наверное, сосчитал свои бутылки и увидел недостачу, – сказала Тори, дрожа от холода и радуясь, что сарай вдруг оказался недоступным.

Рикки опустил на корточки и пристально осмотрел навесной замок в угасающем свете дня. Потом усмехнулся:

– Вроде бы понятно.

Рикки пошарил в кармане и достал карманный ножик с рукоятью из кремовой кости, отполированной до полупро-

зрачности, с инкрустацией в виде маленького лошадиного профиля. Сняв перчатки, Рикки раскрыл одно из мелких приспособлений.

– Пробойник, – шепотом сообщил он. Потом вставил инструмент в замок, закрыл глаза и сосредоточился, аккуратно ворочая железный стержень. Рикки ругнулся на мороз и замерзшие пальцы, а затем выпрямился с широкой улыбкой.

– Готово!

– Где ты этому научился?

– У одного парня из заповедника. Заходи скорее. – Рикки открыл дверь сарая и бросил взгляд на бревенчатую хижину, угрюмо нависавшую в сумерках. Из каминной трубы поднималась струйка дыма.

Оказавшись внутри, Рикки направил луч фонарика на узкие полки вдоль стены. Свет играл на стеклянных бутылках и банках, наполненных жидкостью. Содержимое некоторых из них было прозрачным, как вода; другие имели светло-желтый оттенок лугового меда или более насыщенный цвет жженой умбры. Тори нервно оглядывалась по сторонам. В заднем углу сарая, на некрашеном деревянном столе, стоял медный перегонный куб, соединенный трубками с бочкообразной емкостью. На соседней полке стояли две керосиновые лампы. На другой стене были развешаны инструменты и разное садовое оборудование. Каждая вещь находилась на своем месте. Тори не ожидала, что сарай окажется таким опрятным и хорошо организованным. Она посмотрела на куб.

– Это же незаконно, да?

– Само собой, – ответил Рикки, снимая бутылку с полки и засовывая ее под куртку. Он потянулся за другой бутылкой. – Поэтому он не может сообщить о краже.

– Я думала, что этот старик был полицейским.

– А когда это мешало незаконным делишкам? Уж ты-то должна знать об этом, учитывая, чем занимался твой отец.

– Он был не настоящим, а приемным отцом.

– Ну да, а твой настоящий отец был чокнутым придурком.

– Пошел ты в жопу, Рикки Саймон.

Рикки ухмыльнулся и потянулся за третьей бутылкой, но его рука застыла в воздухе, когда они услышали звук. Оба замерли и прислушались. Звук послышался снова: отчетливое чавканье шагов по мокрому снегу, быстро приближавшееся к ним.

– Он возвращается, – в ужасе прошептала Тори. – Ты же говорил, что он больше не выйдет из дома!

– Это не он; шаги слишком быстрые. Скорее, прячься за столом.

Они нырнули под верстак в дальнем конце сарая, едва втиснувшись между скамьей и стеной. Рикки выключил карманный фонарик, и началось холодное ожидание во тьме. Ветер стонал в древесных кронах, и ветки скрипели и скребли по крыше сарая. Тори стиснула зубы и устремила взгляд на дверь, ожидая увидеть клин желтого света от лампы или ружейный ствол.

Никто не пришел. Звуки прекратились. Потом, когда Тори уже собиралась встать и убраться подальше от этого места, – с Рикки Саймоном или без него, – они услышали громкий хлопок. Она в панике взглянула на Рикки. В полутьме его глаза казались вытаращенными и круглыми, с огромными белками.

– Это выстрел, – прошептал он.

Прижавшись друг к другу, они не смели двинуться с места. Минуты тянулись за минутами. Потом они снова услышали звук шагов по мокрому снегу, еще более торопливых, чем раньше. Шаги приближались к сараю.

– Вот черт, – прошептал Рикки, когда Тори вцепилась в его руку. От ее движения он дернулся и стукнулся об полку, откуда слетела жестяная банка. Крышка отскочила, и на дощатый пол пролилось что-то вроде краски. Никто не произнес ни слова. Желтая жидкость медленно собралась в лужицу и просочилась под скамью.

Человек на улице повернул в сторону от сарая. Чавкающий звук шагов удалился в сторону осиновой рощи за маленьким домом. Они слышали хруст веток, сопровождавшийся резким выхлопом, а потом двигатель снегохода с ревом пробудился к жизни. Рикки немного привстал и выглянул в окошко в задней части сарая, а потом быстро нырнул обратно.

– Я видел его, – прошептал он. – Видел его шлем.

Они послушали, как снегоход уезжает на север, к лесу на

противоположной стороне долины. Вскоре звук стих вдалеке.

– Дьявольщина, – прошипел Рикки. – Нам нужно зайти в дом и посмотреть, что случилось со стариком.

– Не, не надо! – Тори рывком поднялась на ноги и метнулась к двери. – Нам нужно убраться отсюда!

Рикки схватил ее за руку.

– Тори, его могли ранить. Ему нужна помощь. Я собираюсь посмотреть, как он там, – с тобой или без тебя.

Глаза Тори наполнились слезами, а в груди перехватило так, что она не могла вздохнуть. Она не должна была соглашаться с Рикки и приходить сюда. Но она точно не собиралась оставлять его и отправляться в темноту. Только не сейчас. Только не после того, что случилось.

Они вышли из сарая и крадучись пошли по тропинке к дому, досадуя на шум, поднимаемый их собственными шагами по снежному месиву. Они приблизились сзади, где рядом с домом стоял цилиндрический бак с пропаном. Рикки осторожно заглянул в окно гостиной. Тори тревожно оглядывалась на склон холма позади; ее пугала мысль, что человек на снегоходе может сделать круг и зайти им в спину.

– Я вижу его ноги, – прошептал Рикки. – Он сидит в кресле-качалке у камина, на ногах у него шлепанцы, но все остальное закрыто. – Последовала короткая пауза. – Тори, он не двигается. На полу валяются очки... он вообще не шевелится.

Рикки отступил от окна. В сгустившемся сумраке его лицо казалось призрачным, глаза зияли черными дырами. Это еще больше напугало Тори.

– Я захожу в дом, – объявил Рикки.

– Нет, Рикки, пожалуйста! – Она снова ухватила его за руку. – Пожалуйста, давай уйдем отсюда!

Он стряхнул ее руку и направился к двери, движимый тревогой. Тори поспешила за ним, несмотря на ужас, нараставший внутри.

Дверь была слегка приоткрыта – по меньшей мере странно, принимая во внимание холод на улице и крепкий северный ветер. Рикки постучался.

– Мистер Норд, – позвал он. – Капрал Норд!

Ничего, кроме ветра, шелестевшего в безлистных ветвях деревьев.

Рикки открыл дверь пошире. Кухня была освещена мерцающим светом керосиновой лампы, стоявшей на столе. Внутри было тепло, немного пахло дымом и едой из печи. Две тарелки на столе. Рикки осторожно двинулся через кухню в гостиную. Тори последовала за ним и сразу же почувствовала какой-то другой запах. Незнакомый, но вызывающий инстинктивное желание немедленно бежать отсюда.

Рикки выглянул из-за угла.

– Вот дерьмо! – Он отпрянул и резко вытянул руку, преграждая ей путь. – Уходи отсюда, Тори.

Его голос звучал очень странно; раньше она никогда не

слышала от него такого тона. Рикки сильно побледнел.

Ноги Тори словно приросли к полу.

– Давай же! – Рикки схватил ее за руку, развернул и с силой подтолкнул к кухонной двери. Толчок выбил Тори из равновесия. Она выбросила вперед руку в перчатке, чтобы ухватиться за край стола, но вместо этого сбила керосиновую лампу. Лампа перевернулась и с лязгом упала на пол; стекло разлетелось вдребезги. Керосин разлился по полу и немедленно вспыхнул. Тори придушенно вскрикнула.

Рикки поволок ее к входной двери, и они вместе выкатились на улицу. Он сразу же согнулся пополам, и его вырвало в снег. На кухне занималось потрескивающее пламя.

– Р-Рикки? – пробормотала Тори.

Рикки посмотрел на нее, но ничего не сказал, как будто старался прояснить голову и найти подходящие слова. Как будто старался совладать со своим телом. Когда он заговорил, его голос заметно дрожал.

– Он... он сидел там. В кресле-качалке, но... между ног он держал ружье. Приклад упирался в пол, а ствол был направлен туда, где его рот... Он вышиб себе мозги.

В доме что-то грохнуло и затрещало. Огонь поднимался по кухонным занавескам, заставляя их развеиваться, как от ветра, пока они сгорали за окном.

– Нам нужно позвать на помощь! – закричала Тори, охваченная паникой, заглушавшей голос рассудка. – Нужно позвать на помощь!

Рикки взял Тори за руку.

– Нет, Тори. Вот теперь нам нужно убираться отсюда.

– Но старик...

– Он мертв, Тори. Мертвее не бывает. В этом мире ему уже ничто не поможет. Пошли!

Тори воспротивилась, несмотря на жгучие слезы.

– Но пожар, Рикки, это же из-за...

Очередной взрыв на кухне выбил окно. Стекло разбилось, и осколки разлетелись по снегу. Языки пламени с клубами черного дыма вырвались из окна и поползли к двери, жадно поглощая кислород. Рикки потянул Тори за собой.

– Пошли!

Они побежали, спотыкаясь и оскальзываясь на склоне, где снег начал подмерзать и покрылся ледяной коркой. У вершины невысокой гряды, где росли осины, они пробежали через рощу. Тори упала в снег, стукнувшись головой о ствол дерева. Она встала на нетвердых ногах и побрела туда, где Рикки оставил свой снегоход.

Рикки уже занял водительское место и завел мотор – старый и громкий двухтактный двигатель, а не тот мощный движок, звук которого они недавно слышали. Тори уселась сзади и обхватила Рикки за пояс. Рикки поддал газу, и они тронулись с места в облачке голубоватого дыма.

Тори не оглянулась, когда позади грохнул очередной взрыв и огонь с ревом и треском охватил дом, стоявший посреди безмятежного ландшафта. Ледяной ветер доносил до

ребят резкий, едкий запах дыма. Они тряслись и подпрыгивали на высокой скорости, пересекая снежные поля; с каждым толчком Тори вздрагивала и чувствовала, как будто ее ударили по копчику деревянным молотком.

В ясном куполе наверху высыпали булавочные огоньки звезд – местами так густо, что они казались небрежным мазком молочной краски, пересекавшим небосвод. А на дальнем горизонте, над хребтом Марбл-Маунтинс заискрилась мягкая зеленоватая дымка северного сияния.

Но Тори могла думать только о старике Ное Норде, сгоравшем в бревенчатой хижине.

Это она была виновата. Пожар начался из-за нее.

Глава 3

Оливия Уэст смотрела на Эйса, старого кобеля немецкой овчарки, дремавшего перед очагом. Его передние лапы слабо подергивались, пока он преследовал воображаемого кролика на весеннем поле, словно щенок, которым он был когда-то. Во всяком случае, так казалось Оливии.

Но его задние ноги оставались неподвижными. Скоро они будут совершенно парализованы. По словам ветеринара, это называлось «дегенеративной миелопатией». Тот день, когда она остановила свой автомобиль, чтобы отлепить Эйса от дороги, стал поворотным моментом в ее жизни. Она спасла его, а он спас ее. До Эйса Оливия была жертвой сексуальной агрессии и похищения. Вместе с ним она научилась быть храброй. Вместе с ним она преодолела свое положение беспомощной жертвы. Благодаря Эйсу она перестала прятаться и отстаивала свое право на материнство. Благодаря этому старому псу она сейчас находилась здесь и сидела в библиотеке на ранчо Броукен-Бар, которое теперь принадлежало ей и Коулу Мадона – мужчине, который уважал и любил ее и хотел быть ее спутником до конца странствия, называемого жизнью.

А потом она воссоединилась со своей дочерью Тори, которая была зачата, пока Оливию держали в заточении и многократно насиловали. На позднем сроке беременности ей уда-

лось бежать.

Но величайшим вызовом для нее теперь было материнство. Она чувствовала, что теряет Тори, хотя и вполне понимала, каково быть матерью и завоевывать детскую любовь и доверие.

Оливия глубоко вздохнула. Это будет нелегко, но она на своем веку испытала больше, чем может вытерпеть большинство людей. Она *могла* это сделать, значит, она это сделает.

– Эйс еще сможет гулять самостоятельно, когда получит инвалидную коляску для задних ног, – сказал Коул из угла библиотеки, где он сидел за столом и разбирал бумаги своего недавно умершего отца.

Оливия подняла голову. Коул внимательно смотрел на нее глубоко посаженными серыми глазами. Он был зорким наблюдателем, знатоком человеческой природы, каталогизатором фактов и толкователем мелких признаков. Его навыки были отточены годами журналистских расследований. Эти навыки принесли ему награды за документальные произведения. Коул был человеком монументального телосложения, чьи сочинения отличались суровой жизненной энергией под стать его облику. Он писал о смельчаках и авантюристах, о ценности выживания в прямом смысле слова. Но несмотря на очевидный шовинизм его «мужественной» прозы, в ней присутствовал деликатный, сочувственный взгляд на мир и на людей в этом мире. Благодаря этой стороне своей личности он показал Оливии, как можно снова научиться доверять

людям.

Но она не позволяла ему полностью войти в ее жизнь; она просто не могла этого сделать. Еще не пора. Еще рано. Она хотела любить его безраздельно и до сих пор боролась с собой из-за этого, возможно, точно так же, как Тори боролась с собой за признание Оливии своей матерью.

Коул тоже действовал осмотрительно. Одной из главных проблем для Оливии был секс. Вероятно, после месяцев сексуального рабства с этим уже ничего нельзя будет поделаться. Коул настоял на том, чтобы Оливия пользовалась главной спальней в семейном доме, который его отец предпочел завещать Оливии, а не своему сыну. Сам Коул спал и работал в одной из небольших бревенчатых хижин у озера. Это решало вопрос общей супружеской постели... по крайней мере, на какое-то время.

– Думаю, ему все равно понравится передвигаться на колесах. Или на лыжной коляске, когда он привыкнет. Ветеринарная клиника на днях должна получить колесный и лыжный комплект для него.

Оливия поднялась со стула и подошла к большому панорамному окну с видом на хижины и заснеженное озеро. На улице почти совсем стемнело. В небе переливалось северное сияние. Оливия сложила руки на груди и обратила внимание на подъездную дорожку. Никого и ничего. Она передернула плечами.

– Тори обещала вернуться до наступления темноты. Мне

не следовало отпускать ее с этим парнишкой.

– С Рикки?

– От него только и жди беды. Я хотела отказать ей, но мне слишком часто приходится что-то запрещать. Иногда... иногда я просто не знаю, где нужно провести черту, Коул. Я еще не умею *быть матерью*.

Коул встал, подошел ближе и положил руку ей на плечо.

– До сих пор у тебя замечательно получалось.

– Нет, – решительно сказала Оливия, глядя в сгущающуюся тьму. – Не существует руководства для воспитания дочери, родившейся в результате сексуального насилия. Я убила ее отца, я своими руками убила моего насильника и похитителя, но при этом он был ее отцом. Как она справляется с этим? Да еще и вдобавок к потере обоих приемных родителей?

– Так и справляется, работая с психотерапевтом. Вы обе делаете маленькие шаги навстречу друг другу. Так или иначе, Лив, мы все пытаемся чего-то добиться в жизни, а что еще нам остается?

Оливия закусила губу и кивнула.

– А в следующий раз пусть она обязательно возьмет с собой радиотелефон, чтобы оставаться на связи.

Оливия снова кивнула. За исключением некоторых уголков, включая участок вокруг дома, мобильная связь здесь практически отсутствовала. Оливия напряглась, когда на подъеме внезапно появился свет прожекторной фары. Сне-

гоход. Он подскакивал на взгорках, потом свернул на подъездную дорогу и с ужасающей скоростью заскользил к дому.

– Я собираюсь задать этому Рикки Саймону хорошую взбучку за такой стиль вождения, – отрезала Оливия, направляясь к двери. – Он может погубить их обоих.

Оливия поспешно спустилась по лестнице в прихожую и распахнула большую деревянную дверь как раз в тот момент, когда снегоход затормозил у самого крыльца. Оливия вышла на крыльцо, и ее моментально окатило холодом. Водитель рывком сорвал с головы шлем, не глуша двигатель. У Оливии упало сердце.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.